

На руках, которые годами прижимали струны, были тонкие мозоли, и Чжун Гуаньбай не мог этого вынести. Мышцы его живота, бедер и ягодиц напряглись, как будто под действием электрического тока:

— Мм...

Лу Цзаоцю, целуя Чжун Гуаньбая в ухо, одной рукой ласкал его член. Его пальцы были слишком длинными и ловкими. Три пальца массировали ствол, указательный палец время от времени касался края головки, а безымянный палец и мизинец заботливо ласкали мошонку и промежность.

— Ух! — Чжун Гуаньбай крепко схватился за подол рубашки Лу Цзаоцю, его тело полностью расслабилось, и он оперся на руку Лу Цзаоцю. — Господин Лу, ты... ты помедленнее...

Лу Цзаоцю знал это тело как свои пять пальцев, и вскоре Чжун Гуаньбай не смог сдержаться и кончил.

Чжун Гуаньбай закрыл глаза, наслаждаясь остатками удовольствия после оргазма, а Лу Цзаоцю, продолжая ласкать его пальцами, наблюдал за его покрасневшим лицом.

Когда Чжун Гуаньбай открыл глаза, он увидел в глазах Лу Цзаоцю мелькнувшую грусть, но в запотевшей ванной это казалось лишь иллюзией.

Лу Цзаоцю отпустил Чжун Гуаньбая и увеличил температуру воды:

— Не задерживайся здесь надолго, выходи поскорее и ложись спать. Завтра мы идем в ботанический сад.

Чжун Гуаньбай схватил руку Лу Цзаоцю:

— Ты весь мокрый, давай вместе помоемся.

Лу Цзаоцю поцеловал Чжун Гуаньбая в губы, его улыбка была спокойной и теплой, как озеро:

— Все в порядке, я переоденусь.

Чжун Гуаньбай остался в ванной, чувствуя, что сегодня Лу Цзаоцю ведет себя странно. Раньше, хотя у Лу Цзаоцю и не было особого желания, он всегда наслаждался телом Чжун Гуаньбая. За исключением того времени, когда их отношения немного ухудшились, Лу Цзаоцю обычно не вел себя так. А Чжун Гуаньбай думал, что их отношения уже восстановились.

Чжун Гуаньбай быстро ополоснулся и вышел из ванной, надев халат.

Лу Цзаоцю стоял во дворе, глядя на далекий залив.

Чжун Гуаньбай обнял его сзади.

Лу Цзаоцю обернулся:

— Мм?

Чжун Гуаньбай сказал:

— Я запишу твою импровизацию в ноты и сделаю запись.

Лу Цзаоцю ответил:

— Я уже записал.

Чжун Гуаньбай сказал:

— Тогда завтра запишем?

Лу Цзаоцю:

— Хорошо.

Чжун Гуаньбай подошел к уху Лу Цзаоцю и крикнул:

— Господин Лу!

Лу Цзаоцю:

— Мм.

Чжун Гуаньбай вдруг прыгнул на спину Лу Цзаоцю, обхватив его руками и ногами. Он был лишь немного ниже Лу Цзаоцю, и его вес был ощутим. Лу Цзаоцю крепко обхватил его за бедра и повернул голову, недоумевая:

— Что ты делаешь?

Чжун Гуаньбай, не смущаясь, сказал:

— Господин Лу, отнеси меня к морю.

Вдалеке они могли видеть темные воды залива, и ничего не мешало обзору, но Лу Цзаоцю просто сказал «хорошо» и понес Чжун Гуаньбая за пределы двора.

Тропинка была тихой, вокруг слышались звуки волн, цикад, шелест растений и ровные, уверенные шаги Лу Цзаоцю.

Лу Цзаоцю нес Чжун Гуаньбая по тропинке от горы до самого пляжа.

Чжун Гуаньбай, лежа на спине Лу Цзаоцю, вдыхал его чистый запах и подумал, что если у него и осталось что-то, что он не сделал с Лу Цзаоцю, то это предложение руки и сердца. Хотя они уже давно жили, как женатые, все же не хватало формального ритуала.

Залив под лунным светом был глубоким и нежным, а влажный воздух казался сладким.

Чжун Гуаньбай тут же спрыгнул со спины Лу Цзаоцю, и тот поддержал его:

— Будь осторожен.

Чжун Гуаньбай посмотрел в глаза Лу Цзаоцю и опустился на колени.

Морской ветер дул волнами, звуки прибоя напоминали древнюю песню, доносящуюся издалека.

Чжун Гуаньбай сказал:

— Лу Цзаоцю...

Нет, нельзя.

Это не должно быть так внезапно, не должно быть таким неподготовленным предложением. Именно потому, что он знал, что Лу Цзаоцю согласится на любое предложение, он не мог просто сказать это без подготовки.

Чжун Гуаньбай сказал:

— Я прочту тебе стихотворение.

Взгляд Лу Цзаоцю изменился, и в нем появилась улыбка:

— Я весь внимание.

— Ты — море, морской ветер, морская пена.

Улыбка Лу Цзаоцю была полна нежности и снисходительности.

Чжун Гуаньбай продолжал громко читать:

— Вдалеке, передо мной, в моем сердце.

Лу Цзаоцю поднял Чжун Гуаньбая и снова посадил его на спину, крепко держа его руками, и они пошли вдоль длинной береговой линии.

Чжун Гуаньбай, лежа на спине Лу Цзаоцю, сказал:

— Господин Лу, я решил, что когда состарюсь, издам сборник стихов, куда включу все стихи, которые читал тебе. Назову его «Посвящение Лу Цзаоцю».

Голос Лу Цзаоцю, смешанный с морским ветром, донесся до ушей Чжун Гуаньбая:

— Я буду стоять с тростью в очереди, чтобы ты подписал мне этот сборник.

Когда Лу Цзаоцю позвонил Цзи Вэньтаю и попросил еще одну неделю отпуска, декан Цзи чуть не разбил чашку об пол.

— Лу Цзаоцю, ты что, не хочешь возвращаться? Ты взял целый месяц отпуска, а в последний день просишь еще неделю? Чжун Гуаньбай укололся кактусом? Кактусом?! — Цзи Вэньтай был так зол, что говорил, не думая. — А через неделю ты, что, скажешь, что он рожает?

Крики Цзи Вэньтая напугали всех, кто собирался войти в его кабинет. Люди толпились у двери, гадая, кто же этот таинственный человек, который «рожает», но никто не осмеливался постучаться, боясь нарваться на гнев.

Цзи Вэньтай ходил по кабинету с телефоном в руке:

— Лу Цзаоцю, завтра же возвращайся.

Лу Цзаоцю сказал:

— Не могу.

Цзи Вэньтай только жалел, что в свое время слишком мягко отнесся к просьбе Лу Цзаоцю об отпуске. Теперь, когда Лу Цзаоцю был далеко, его приказы не имели силы, и Лу Цзаоцю был полностью поглощен своим мужчиной, отказываясь возвращаться.

Цзи Вэньтай постучал по столу, сдерживая гнев:

— Еще одна неделя, и если не вернешься, то можешь не возвращаться вообще.

Лу Цзаоцю:

— Мм.

Едва он произнес это, как Цзи Вэньтай повесил трубку.

Чжун Гуаньбай лежал на больничной койке, с трудом натягивая одеяло на голову.

Лу Цзаоцю дотронулся до его головы через одеяло:

— Все в порядке.

Чжун Гуаньбай глухо позвал:

— Господин Лу...

Время вернулось на день назад.

Франция, Эз, ботанический сад.

Этот сад располагался на высоком холме у побережья, и его пейзаж был поистине уникальным. В нем были кактусы высотой в несколько метров, так и множество других крупных суккулентов, названий которых и не вспомнить. Рядом с многими растениями были таблички с изящными надписями.

Чжун Гуаньбай увидел табличку рядом с высоким суккулентом, на которой было написано: «Земля держит меня, и что с того? Моя голова в небесах».

Чжун Гуаньбай посмотрел на большое растение и вдруг почувствовал странное волнение:

— «Хотя корни в земле, голова в небесах». Это растение кажется таким печальным.

Лу Цзаоцю сказал:

— Наоборот, это печально.

Чжун Гуаньбай подумал и понял, что Лу Цзаоцю прав. Если из земли вырасти в небо, это не печально. Но если изначально быть в небесах, а потом оказаться в земле, вот это действительно печально.

Он осмотрел растения и нашел хороший угол: вдалеке был синий залив, а рядом — различные суккуленты.

— Господин Лу, давай я тебя сфотографирую? Этот ракурс очень красивый.

Он подошел к Лу Цзаоцю:

— Ты тоже очень красивый.

Лу Цзаоцю сказал:

— Где?

Лу Цзаоцю спрашивал, где встать для фотографии, но Чжун Гуаньбай с улыбкой ответил:

— Ты, конечно, красивый везде.

Он поставил Лу Цзаоцю в выбранное место и отошел на несколько шагов, подняв камеру.

— Господин Лу, кажется, я слишком близко. Этот кактус за тобой не помещается в кадр, выглядит не очень. Давай я поищу другой угол...

Чжун Гуаньбай отступил:

— Этот кактус слишком большой, наверное, два или три метра, его верхушка никак не влезает.

Чжун Гуаньбай отступил еще:

— Хорошо бы, чтобы залив и статуя вдалеке тоже попали в кадр.

Он продолжал отходить назад.

— Осторожно! — Лу Цзаоцю испугался и протянул руку, чтобы схватить Чжун Гуаньбая.

Но было уже поздно.

— Аaaa, черт! — Чжун Гуаньбай остутился и сел на большой колючий суккулент, не в силах встать.

<http://bllate.org/book/15543/1382830>